

УДК 821.512

НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ДЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР

Сеферова Ф.А., к. филол. н.,
доцент кафедры крымскотатарской литературы и журналистики

Детский игровой фольклор крымских татар – это подвижный импровизационный вид народного творчества. Этнографические детали и ритуалы, связанные с анимистическими представлениями, своеобразное построение образов и описание событий, астральная мифология и, наконец, архаичный словарь песен-обращений, припевок дают основание полагать, что крымскотатарский детский фольклор берёт свои истоки с древнейших времён.

Ключевые слова: поэтика, образ, архаика, мифология, афористичность.

Дитячий ігровий фольклор кримських татар – це рухливий імпровізаційний вид народної творчості. Етнографічні деталі і ритуали, пов'язані з анімістичними уявленнями, своєрідна побудова образів і опис подій, астральна міфологія і, нарешті, архаїчний словник пісень-звернень, приспівки дають підставу вважати, що кримськотатарський дитячий фольклор бере свої витоки з найдавніших часів.

Ключові слова: поетика, образ, архаїка, міфологія, афористичність.

Seferova F.A. NATIONAL-ETHNIC WORLD VIEW IN THE CRIMEAN TATARS CHILDLORE

Childlore of the Crimean Tatars is a movable improvisational kind of folk art. Ethnographic details and rituals associated with animistic representations, an original construction of images and description of events, astral mythology, and, finally, an archaic vocabulary of songs-appeals, refrains give grounds to suggest that the Crimean Tatar childlore takes its roots from the ancient times.

Key words: poetics, image, antiquity, mythology, aphoristic nature.

Постановка проблеми. Детский игровой фольклор крымских татар неоднороден по своему жанровому составу: игры, песни-припевки, скороговорки, загадки, дразнилки, считалки и т.д. Они характеризуются разнообразием тематики, глубоким содержанием, многостильностью, взаимодействием как с обрядовой поэзией, так и с эпосом.

Анализ последних исследований и публикаций. В изучение смысловой части текстов детского фольклора большой вклад внесли такие исследователи: В. Филоненко, С. Ефетов, А. Самойлович, С. Коцюбинский. Особенно ценны концепции, разработанные А. Одабаш, К. Джаманаклы (Решидов), Р. Музафаровым, Дж. Бекировым, Э. Сеферовым, А. Кокиевой и др.

Постановка задачи. Целью данного исследования является анализ текстов детского фольклора, выяснение их происхождения, функционирования, что может открыть широкий диапазон понятийного аппарата народной мудрости, кода духовной культуры. Для достижения цели в работе были поставлены следующие задачи: изучение языкового материала фольклорных текстов и выявление в них глубоких смыслов, анализ особенностей отражения

национально-этнической картины, дополнение базы источников детского фольклора.

Изложение основного материала исследования. Первые записи детских игр, дошедших до нас, относятся к XI веку. М. Кашгарский в своём словаре «Дивану лугъат-ит тюрк» приводит около 150 национальных игр, описывает более 20 детских игр, в том числе и игру «монгуз-монгуз» («бой-нуз-бойнуз»), напоминающую дошедшую до наших дней игру «кош-кош башым» и др. [1, с. 291]. В словаре М. Кашгарского приводится также игра «ак сюек» («белая кость»), которая упоминается в философском трактате Алишера Навои «Махбул-ул кулуб» в XV веке [7, с. 293]. Этот факт подтверждает наличие детских игр в фольклорных жанрах самых отдалённых времён. Крымскотатарский героический эпос и любовно-романтические дестаны (поэмы) также содержат богатый материал не только об исторических событиях, но и сведения о некоторых детских играх (жеребьёвки, считалки, песни-припевки). Достаточно вспомнить дестан «Эдиге», где уже присутствует игра в **ашык кости**: «Шимди бу бала баягъы осип буюген сонъ, балаларнен ашыкъ ойнап джуре» (дословно: «Когда мальчик подрос, то вместе с другими детьми стал играть

в *ашык*)» [2, с. 6]. Примечательно, что в детском игровом фольклоре особенно проявляются лингвистические, географические, этнографические черты народа, его характер, традиции, история. Компаративистский опыт в изучении вопроса о поэтике детского игрового фольклора свидетельствует о том, что основными признаками детского игрового фольклора являются стихотворная форма, повторяемость отдельных слов, обилие сравнений и параллелизмов, афористичность и дидактизм. Каждая песня-припевка имела оригинальное художественное воплощение, индивидуальные образы. Широко распространённой композиционной формой являлся монолог, способствующий выражению чувств героев. Отметим, что монолог в песнях-припевках часто сочетался с повествованием, которое воссоздавало обстановку, где происходило действие. В качестве примера обратимся к варианту метеорологической магии первенца-тонгуча, записанного со слов информатора во время фольклорно-диалектологической практики. По представлениям крымских татар *тонгуч первенцы* были наделены магической силой от рождения. Если туман долго не рассеивался, то *тонгуч*, то есть мальчик-первенец, поднимался на гору и громко пел (произносил): «*Мен тонгучым, тонгучым! Кунеш бетин ачарым, Думанларны сачарым, Бит ве бурчени байларым Оларны сувга атып, Эйи(яхшы) кунни сайларым*» (дословно: «Я первенец, первенец! Я открою лик солнца, Рассею туманы... Выберу самый лучший день») [4].

Наблюдения показывают, что одним из главных приёмов построения песни-припевки является художественный параллелизм, основанный на сравнении природы и человека с учётом их общих признаков. В этой связи хочется упомянуть работу А. Кокиевой «Магическое число семь в крымскотатарском фольклоре», где широко освещён ряд известных мотивов, наиболее явно обыгрываемых в детском игровом фольклоре. Так, исследовательница пишет, что мифологическая модель мира, скрытая в языковом материале фольклорных текстов, архаична. Принцип кодирования используется в *развлекательной, дидактической, эмоциональной, этической и эстетической функциях*» [3, с. 186]. При исследовании процесса исторического развития детского игрового фольклора как самостоятельного жанра большое значение

имеет изучение генезиса основных функций отдельных мифологических мотивов. Известно, что астральная мифология – это наименее изученная проблема древних представлений крымских татар. Для того, чтобы дети лучше запоминали названия звёзд *Демир-Къазык* – Полярная звезда, *Чолпан* – Венера, *Улькер* – Созвездие Плеяд, была сочинена песня-припевка:

«*Чолпан йылдыз йылдызларны башыдыр, Демир-Казык кокни тепмез ташыдыр. Чолпан чыкты – тань атты, Улькер батты – ер катты*» (дословно: «Венера – глава всех звёзд, Полярная звезда – железный кол (камень), Венера скрылась – наступил рассвет, Созвездие Плеяд скрылось – земля затвердела») [4].

Историко-этнографические детали и ритуалы, связанные с мифологией, мы наблюдаем и в песнях-закличках. Примечательные сведения приводит информатор Э. Мустафаев о растениях, деревьях, которые наделялись в сознании наших предков магическими свойствами. Сохранился текст песни о *Янгъыз терек* (Одинокое дерево). Песня исполнялась вокруг одинокого дерева: «*Кябе ёлунда янгъыз терек бар, башы айрагъач, Устюнде мейва тепкен бинь къарылгъач, Пейгъамбарнинь бир селямын сен ал да къач!*» (Дословно: «По дороге в Каабу растёт одинокое дерево, сидящие на ветках тысячи ласточек расклевали его фрукты, а тебе привет от Пророка, забирай и убегай!») [5]. Существуют хоровые виды игр, в которых дети поют целые куплеты коллективно. Приведём пример из игры «Алмалыкъ» Разрывные цепи: «*Алмалыкъ! Ал къылыч! Арада сув! Атлап кеч! Ай дым терек! Акъ терек! Кок терек! Бизден сизге ким керек? – Айше деген къыз керек!*» (Дословно: «Алмалык! Возьми саблю! Между нами вода! Перешагни! Эй, серебристый тополь! Зелёный тополь! Вы кого приглашаете? – Мы приглашаем Айше!») [4]. Слова «*ак терек, кок терек*» белый (серебристый) тополь, зелёный тополь обозначают названия видов тополя. Однако не исключено, что они могут иметь либо топонимическое, либо этнонимическое значение. Песни-обращения, припевки, игры без всякого назидания прививали детям представление о распределении обязанностей по дому, о том, что каждый должен выполнять посильную работу: «*Арманчыкъ, арманчыкъ Ичи толу тавшанчыкъ Тавшан келип сув ичти, бири туты,*

бири сойды. Бири пиширди, бири ашады Бири оджадан кельди: – «Къана манъа деди», деди. «Къыр къазаннынъ тьюбюни», – дедилер» (Дословно: «На току, на току собрались зайцы. Один прибежал напиться воды, один поймал, другой зарезал. Один сварил, другой съел. Один пришёл со школы: «А мне что поесть?» – спросил он. «А ты поскреби дно казана», – ответили ему») [6, с. 26]. Сохранился текст детской песни-обращения к дождю, которая сопровождалась ритуальной пляской: «Къыбладан джылы-джылы джеллер эсе, Вай, терекнинъ япраклары шувулдашып ерге тюше, Буны корип мелякелер шакъылдашып кулюше! Джаун джава сепелей! Ашлыкъ келе тёбелей! Бизде бай болайыкъ! Сени байлыгынынъ денъиздай Ойнап-кулюнъ эгиздай!» (Дословно: «Дуют теплые ветра из Кыблы, Вай, с шорохом падают листья с дерева! Увидев это, ангелы звонко смеются! Льёт дождь! Будет много злаков (хлеба, урожая), Станем мы богаче! Твоё богатство, словно море, Радуйтесь как близнецы!») [5].

В этой связи хотелось бы отметить исследование Г. Джахангирова, где говорится следующее: «Понятия фольклора и игры сливаются – они синкретичны. Речь идёт о художественных, эстетических элементах, т.е. о роли поэтики в игровом фольклоре. Здесь должны сопоставляться: движение – прикладная часть игры и поэтика – стихотворная, музыкальная часть игры» [7, с. 294]. Кроме того, исследователь приходит к выводу, что игры и игровые движения дети исполняют в определённом ритме, темпе, не без помощи стиха, напева. Это наблюдение обязывает нас определить роль и симметрию поэтической и музыкальной части. Стихи, музыка, мотив строго подчиняются законам детской игры и созданы с учётом детского характера и его возможностей. Малейшее нарушение этих условностей, например, усложнение в стихосложении, приводит к неудачной концовке игры. В дошедших до нас древних образцах детские игры не отличаются особо от монологов, диалогов, которые произносят участники игры. Например: *Мына, селям алейкум, Шерамазан, Алейкум селям! Ай батыдан, кунъ догъуштан Ает келям! Коктен не ягъа? – Кок боюнджакъ. – Ерте не бар? – Ер боюнджакъ. – Къайнананъ не пишире? – Къыйгъача. – Бер манъа бир парча!*» (Дословно: «Вот, селям алейкум,

*Шерамазан, Алейкум селям! Вам, начиная от заката до восхода, благие пожелания! Что падает с неба? – Голубые бусинки. – А что на земле? – Земляные бусинки. – Что готовит тёща (свекровь)? – Печенье (хворост). – Дай мне кусочек!») [6, с. 13]. При выпадении первого снега дети обычно дружно распевали песни-заклички, повторяя их несколько раз: *Танърыдан эмир кельди, Кельдик шу кишининъ эшигине, Акъ къозудай бала догъсын бешигине! Ер агъарды, акъ болды, Дагъ агъарды, акъ болды*» (Дословно: «Пришёл приказ от Тенгри, Подошли мы к воротам этого человека, Пусть у него родится ребёнок, как белый ягнёночек! Земля побелела, Гора побелела») [5]. Детские игры историчны – в них сохранились следы далёкого времени, по ним можно изучать историю, этнографию, психологию, культуру, быт самого народа, они помогают всестороннему развитию подрастающего поколения. Сохранились материалы, показывающие роль птиц, животных, насекомых в детских играх. Считалось, что божья коровка *татлыхан* своим поведением может предвостыжить приход гостей. Ребёнок, увидев божью коровку, произносил в таком случае припевку: *«Татлыхан, татлыхан, Бабам келе – уч да кет! Татлыхан, татлыхан, Анам келе – уч да кет! Татлыхан, татлыхан Татам келе – тюш да кет!»* (Дословно: «Божья коровка, божья коровка, Отец идёт – улетай! Божья коровка, божья коровка, Мама идёт – улетай! Божья коровка, божья коровка, Сестра идёт – слезай и улетай») [4]. Здесь играющие и ведущие разыгрывают малую сценку, выступая в роли актёров.*

В жанрах детского игрового фольклора сохранились данные о наличии культа коня (*ам*), жеребёнка (*май*), верблюда (*деве*), барана (*къой*) у крымских татар. Следы почтительного отношения к верблюду мы наблюдаем в скороговорках: *«Оп, оп, девелер Къарасувдан келелер. Ягълы-ягълы пителер Алып-алып кетелер»*, или *«Давул такътым бойнума, Чыкътым деве ёлуна. Деве ёлу бит базар, Бит базарда аюв бар»* (дословно: «Оп, оп, верблюды, Идут с Карасувбазара Везут масляные-масляные пите (лепёшки)», или *«Повесил барабан на шею, вышел на верблюжий путь, на верблюжем пути находится базар вшей, на базаре вшей – медведь»*) [2, с. 184]. Количество строк в песнях, припевках, скорого-

ворках – от двух до восьми. Несмотря на небольшой объём, они всегда выражают законченную мысль.

По сведениям, которые приводит информатор Э. Мустафаев, можно думать, что две половины суток – день и ночь – олицетворялись в образе белого и чёрного баранов: «*Акъ къой башы, къара къой башы, Къалтыравукъ чѐп башы – Барындан да Танъры яхиы Барындан да Танъры яхиы!*» (Дословно: «*Голова белого барана, голова чёрного барана, Дрожжающая головка щепки – Тенгри выше всех богатств!*») [5]. Исследователи отмечают, что в процессе игры дети учатся думать, воспроизводить и усваивать действия взрослых. Простой, незамысловатый текст закладывает у ребёнка понятие о нелёгком труде сельского жителя, чувство ответственности, уважения к старшим. В игре постепенно формируется сноровка, сообразительность, ловкость и другие качества. Сегодня дети используют в своих играх различные виды «молчанки», жеребьёвки и считалки. В крымскотатарском детском фольклоре жеребьёвка многообразна. Как минимум, она бывает четырёх видов: а) на внимание; б) метание; в) угадывание; г) измерение чего-либо. «Считалки» («Сайылар») представляют собой рифмованные стишки. В детском репертуаре считалка имеет много вариаций. В её основе лежит слово и созвучие рифм, счёт. Однако тексты считалок в большинстве отличаются и своим сюжетным построением. Среди считалок удивительно много вариантов, основанных на бессмысленных словах и созвучиях. Дети любят исказить числа, слова, добавлять к ним слова, понятные только им самим. Но делают они это целенаправленно, приурочив к конечным повелительным словам «Чыкъ да къуртул», «чыкъ» (выйди!), или прибавляют к словам окончания «ме», «ку» и т.д. Считалка выполняет несколько функций: 1) служит в качестве детской игры – загадки-числовки; «*Эки секиз бир докъуз. Эм йигирми, эм отуз. Бешке болип бир къошсанъ... Он алтыдыр инансансан*» (дословно: «*Две восьмёрки да девятка. Да ещё двадцать, да тридцать. Разделить на пять и сложить, то будет шестнадцать*»); 2) выполняет роль скороговорки: «*Абалама, дырбалама, Дайым къызын къорчалама. Ап-пул, Оп-пул, Чыкъ да къуртул*» [8, с. 10]; 3) ведущий, запевая слова, считает детей и тот, на кого пришлось

последнее слово, выходит из круга, тот же, кто остался, начинает игру. Например, «*Эвелеме, девелеме, Деве къушны къува-лама. Анпул, Унпул, Чыкъ да къуртул*» [6, с. 7].

Выводы из проведенного исследования. Итак, крымскотатарский детский фольклор предстаёт перед нами в многообразии жанров. Детские игры сочетают в себе элементы драматического и словесного творчества, они содержат традиционные и импровизированные поэтические тексты и игровые прелюдии, имеют сюжет, пусть не всегда совершенный. По сравнению с другими разновидностями народного творчества детские игры имеют относительно устойчивую поэтическую форму, которая почти не подвергалась изменению. Детские игры состоят из нескольких частей: это приглашение к игре, зачин игры, считалочки и, наконец, сама игра и игровые концовки. Отдельные детские произведения характеризуются масштабностью изображения. Действие в них происходит далеко от дома: на возвышенности, в долине (у одинокого дерева), на поле, на горе. Героями являются представители высших сил, неба, земли, стихии, а также животные, птицы, насекомые. Анализ содержания текстов, выявление в них отголосков древних верований, мифологических, анимистических представлений дают основание полагать, что народ, создавая произведения для детей, вкладывал в него своё представление об окружающем мире, о воспитании. Детский фольклор крымских татар – это в действительности особая художественная форма отражения внутреннего мира и внешнего облика человека, его эмоционального, философского отношения к жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кошгарий М. Девону лугъота-ит турк. Уч томлик / М. Кошгарий. – Т. II. – Ташкент, 1961. – С. 244.
2. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгы : [хрестоматия]. Тертип этиджи Д. Бекиров. – Т. : Укитувчи, 1991. – 248 с.
3. Кокиева А. Къырымтатар фольклорында къулланылган ракъамларнын сырлары / А. Кокиева // Учёные записки ТНУ им. В. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Симферополь, 2013. – Т. 26 (65). – № 1. – С. 182–185.
4. Материалы фольклорной практики 17.07.2011 г. Информатор Эльмира Кокиева (Коки) (род. в 1936 г. с. Корбек Алуштинского р-на). Фольклорный фонд кафедры крымскотатарской литературы ГБОУ ВО РК «КИПУ».

5. Материалы фольклорной практики 19.07.2011 г. Информатор Эскендер Мустафаев (род. в 1928 г. с. Темирчи (Демирджи) Алуштинского р-на). Фольклорный фонд кафедры крымскотатарской литературы ГБОУ ВО РК «КИПУ».
6. Къырымтатар бала эдебиятынынъ хрестоматиясы. Тертип эткен Д. Бекиров. – Симферополь : Крымучпедгиз, 1998. – 352 с.
7. Фольклор, литература и история Востока Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. – Ташкент : Изд-во «ФАН», 1984.